Вероятно, это была управляющая Ли.

Хотя Ань Лэ не знал, в чем именно провинилась мама, он не мог выносить мысли о том, как тяжело ей приходится.

Лицо управляющей Ли было приветливым, она казалась добрым человеком, поэтому Ань Лэ набрался смелости: Управляющая Ли, моя мама и дядя Чжао — здешние флористы.

Хотя управляющая Ли находилась в помещении, она, конечно, знала, что произошло снаружи. Она посмотрела на Ань Лэ: Да, я знаю.

Дядя Чжао получил травму, и мне приходилось носить ему еду, но теперь, когда он уходит домой на поправку, мне больше не нужно приходить сюда с передачами.

Верно, так тебе будет легче, не придется бегать туда-сюда под палящим солнцем. Это к лучшему.

Ань Лэ покачал головой: Я не боюсь трудностей.

Он поднял голову и посмотрел на управляющую Ли с мольбой в глазах: Могу ли я приходить сюда и впредь? Можно мне помогать маме?

Управляющая Ли замялась: Это…

Ань Лэ поднялся со стула и серьезно произнес: Мой дедушка тоже выращивал цветы и занимался составлением композиций, я многому у него научился, пока жил дома. К тому же я быстро работаю и могу переносить много горшков.

Управляющая Ли была в затруднении, но Ань Лэ с опущенными уголками глаз выглядел таким милым, что ей было жалко просто так ему отказать.

Вообще-то для Чжао Лиюаня сделали исключение, позволив кому-то приносить ему еду из-за производственной травмы.

Обычно посторонним вход в поместье строго воспрещен.

Да и такие вопросы не в моей компетенции как мелкого управляющего, даже управляющий Се не вправе решать это в одиночку.

Выслушав ответ, Ань Лэ поник и снова сел: Вот как…

Но… — тон управляющей Ли изменился. — Если молодой господин даст согласие, ты сможешь приходить и помогать своей матери.

Ань Лэ растерянно переспросил: Молодой господин?

Управляющая Ли кивнула: Здесь все зависит от владельца поместья.

Тогда… — Ань Лэ засомневался, — он согласится?

Этого я не знаю, но наш молодой господин добр сердцем. Если ты вежливо его попросишь, думаю, он не откажет.

В этот момент со стороны лестницы донеслись легкие шаги.

Управляющая Ли улыбнулась Ань Лэ: Вот и он, молодой господин пришел.

Ань Лэ поднял голову и застыл при виде вошедшего.

Черты его лица были утонченными, короткие черные волосы аккуратно уложены, тонкие губы под прямым носом плотно сжаты, а персиковые глаза, слегка прищуренные, казались совершенно равнодушными.

Он был не просто красив — в нем чувствовалась врожденная аристократичность, отчего он казался недосягаемым, и приближаться к нему было боязно.

Ань Лэ невольно коснулся своих взлохмаченных волос, внезапно почувствовав себя неполноценным.

Управляющая Ли подошла к вошедшему и, слегка склонившись в поклоне, почтительно произнесла: Молодой господин.

Ань Лэ поспешил повторить за ней: он вскочил, подошел к столу и склонился в поклоне, в точности копируя движения управляющей.

Неуверенным, тихим голосом он пролепетал: Мо-молодой господин.

Хэ Цзиньнянь замедлил шаг, хотя заметил Ань Лэ еще раньше.

В этот момент управляющий Се, который как раз закончил варить лапшу, вышел к ним.

Увидев Хэ Цзиньняня, он сказал: Молодой господин, я как раз нарезал фрукты, присядьте, попробуйте, прежде чем идти наверх.

К немалому изумлению управляющей Ли, Хэ Цзиньнянь действительно остался.

Ань Лэ вернулся на свое место. Перед ним стояла тарелка с лазаньей; он был очень голоден, но не знал, можно ли приступать к еде.

Управляющий Се налил ему воды: Садись и ешь.

Ань Лэ вежливо принял стакан, не смея поднять глаз. Управляющий Се дал ему стальную вилку, и при соприкосновении с фарфоровой тарелкой раздался отчетливый звон.

Хотя вилла была огромной, в ней стояла пугающая тишина, даже сидящий напротив человек, который ел фрукты, не издавал ни звука.

Каждое его движение было изящным и благородным.

Ань Лэ стало еще труднее есть.

Но больше всего его беспокоило, что фрукты в тарелке напротив почти закончились.

Ань Лэ, дождавшись, пока тот опустит голову, украдкой посмотрел на него, даже не подозревая, насколько заметны были его попытки.

Как только тот собрался наколоть последний кусочек фрукта, Ань Лэ глубоко вздохнул и, запинаясь, начал представляться:

Мо-молодой господин, здравствуйте… меня зовут Ань Лэ.

Хэ Цзиньнянь замер. Он отложил вилку, посмотрел на Ань Лэ и ответил спокойным голосом: Здравствуй.

Поняв, что его готовы выслушать, Ань Лэ немного осмелел:

Моя мама — здешний флорист.

Я приходил сюда, чтобы приносить еду, но после сегодняшнего дня мне это больше не нужно.

Однако я хотел бы приходить и помогать маме. Вы не могли бы позволить… чтобы мне и

дальше разрешали здесь бывать?

Не видя реакции собеседника, Ань Лэ говорил все тише и тише.

Он не знал почему, но этот человек казался ему страшным, он робел, и от страха аппетит совсем пропал.

Особенно под пристальным взглядом этих равнодушных глаз… Ань Лэ даже пожалел, что затеял этот разговор.

Он уткнулся в тарелку, мечтая провалиться сквозь землю.

Можно.

Низкий и уверенный голос донесся до его ушей.

Ань Лэ в неверии поднял голову и, сияя от радости, посмотрел на собеседника; его голос непроизвольно стал выше:

П-правда? Спасибо вам!

Ань Лэ в восторге вскочил со стула и обернулся к управляющей Ли: Управляющая Ли, он согласился!

Ань Лэ был слишком счастлив, чтобы заметить скрытое удивление в глазах управляющей Ли.

Зато управляющий Се, стоявший рядом с Ань Лэ, разделил его радость.

Как хорошо, Ань Лэ. Теперь ты сможешь часто приходить.

Управляющая Ли, наблюдая за этим, пробормотала: Давненько я не видела, чтобы вы, управляющий Се… так искренне улыбались.

Получив разрешение, Ань Лэ был вне себя от радости. Ему не терпелось поделиться новостью с Ань Юнь, но оказалось, что та отпросилась и уже ушла домой.

Вернувшись, он едва успел открыть дверь, как из гостиной донесся звук разбитого стекла, а следом за ним — яростные крики Чжао Лиюаня.

Да кто такой этот Се Цзяньчэн?! Как он посмел меня уволить?

Всего лишь пёс молодого господина семьи Хэ, а меня лично нанимал глава Хэ!

Ань Лэ молча слушал, отметив про себя: значит, управляющего Се зовут Се Цзяньчэн.

Он такой же слепец, решил пойти против своего господина ради сына! Рано или поздно он за это поплатится!

Увольнение Чжао Лиюаня было связано и с Ань Лэ.

Хотя нет, Ань Лэ понимал: в глазах Чжао Лиюаня во всем виноват только он.

Ань Лэ стоял у порога, не решаясь войти.

Если дядя Чжао узнает, что он вернулся, то обязательно начнет ругаться.

Так и вышло — брань Чжао Лиюаня становилась все громче: А еще этот мелкий выродок!

Если бы не он, его отец не потерял бы работу! Вот вернется, я ему устрою!

Раздался голос Ань Юнь: Успокойся, ты же ранен.

Ань Лэ стало страшно. Мама, скорее всего, не заступится, а если дядя Чжао окончательно выйдет из себя, что, если он его ударит?

Старые раны Ань Лэ еще не зажили; он прижал руку к больному месту — было очень больно.

Если Чжао Лиюань начнет бить, то достанется еще сильнее.

Ань Лэ решил провести ночь вне дома, а когда дядя Чжао остынет, вернуться.

Он осторожно отступил назад и прикрыл дверь, стараясь не издать ни звука.

Денег у Ань Лэ было мало, а отели поблизости стоили дорого, он не мог себе их позволить. Пришлось пойти в круглосуточный магазин, купить бутылку воды и рисовый шарик, сесть в дальнем углу и так провести ночь.

Каждый раз, когда в магазин заходили люди, он просыпался. Ночь прошла как в тумане, он не выспался, а все тело ныло от боли.

Когда подошло время, Ань Лэ побежал на рынок за продуктами.

Маме нужно на работу, дядя Чжао едва передвигается, а Чжао Чэн не умеет готовить, так что единственный вариант — это Ань Лэ. Он надеялся: если приготовит еду заранее, дядя Чжао, возможно, не станет его бить.

Но он забыл, что здесь не их родная деревня и Чжао Лиюань может просто заказать доставку.

Когда Ань Лэ с покупками подошел к дому, он как раз столкнулся с курьером, а дверь открыл Чжао Чэн.

Чжао Чэн сразу увидел Ань Лэ с пакетами и, вытаращив глаза, заорал на весь дом: Папа! Этот мелкий вернулся, стоит прямо у порога!

Ань Лэ испугался и, чтобы избежать побоев, уже хотел бросить пакеты и бежать.

Но Чжао Лиюань из комнаты крикнул, чтобы Чжао Чэн не лез в это дело.

Чжао Чэн взглянул на Ань Лэ: Считай, тебе повезло.

Когда Чжао Чэн вернулся в комнату, Ань Лэ осторожно заглянул внутрь. Чжао Чэн сидел в гостиной и распаковывал еду, при виде Ань Лэ он скривился от отвращения.

Говорю же, ты настоящее проклятие! Из-за тебя мой отец лишился работы!

Ты хоть можешь это возместить?

Ань Лэ пропустил мимо ушей насмешки Чжао Чэна, осматриваясь в поисках Чжао Лиюаня.

Через минуту тот вышел из спальни. Нога была травмирована, ходить было тяжело, но он, казалось, не обращал на это внимания, более того — на лице его читалось… торжество?

Чжао Лиюань явно привел себя в порядок: зачесал волосы назад и воспользовался гелем для укладки.

Папа, ты куда-то собрался? Не будешь есть? Доставка только что приехала.

Не буду. У меня есть важные дела, ешь сам.

Что может быть важнее еды?

Чжао Лиюань загадочно улыбнулся.

Секрет.

Чжао Чэн: Тогда скинь мне денег на обед.

Чжао Лиюань достал телефон и щедро перевел некоторую сумму. Ань Лэ не знал, сколько именно, но Чжао Чэн был в восторге.

Папа! Ты разбогател?

Пока нет, но это ненадолго.

http://bllate.org/book/36498/4535199